

[Polaris]

ПРОГУЛКА В ЛУНУ

Забытая фантастическая проза XIX века

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXX

Salamandra P.V.V.

ПРОГУЛКА В ЛУНУ

Забытая фантастическая
проза XIX века

Том III

Salamandra P.V.V.

Прогулка в Луну (Забывтая фантастическая проза XIX века. Том III). Сост. и подг. текста М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 66 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXX).

В сборник вошла анонимная новелла «Прогулка в Луну» (1839), «Путешествие на Луну в чудной машине» С. Дьячкова (1844) и «Ужасная кража» С. Дмитриева (1873). В приложении — лубочная книжка Х. Шухмина «Путешествие охотнорядского купца на комете» (1913). Большая часть произведений переиздается впервые.

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2020

© Salamandra P.V.V., оформление, 2020

**ПРОГУЛКА
В ЛУНУ**

Аноним

ПРОГУЛКА В ЛУНУ

Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но ныне видим только в ней
Замену тусклых фонарей...

А. Пушкин

— Здравствуй, Воля! — сказал вбежавший в мою комнату гусарский поручик Алексей Тарков. — Угадай, брат, откуда я?

— Почему мне знать? У тебя такая куча знакомых, что я могу целый месяц догадываться и не угадать. Судя, однако ж, по твоему усталому и озабоченному виду, думаю, что ты с товарищеской пирушки или из-за карточного стола: прогулял или проиграл ночь напролет, и проигрался до копейки или прогулялся до **пес plus ultra***.

— Нет, Воля, не угадал! Во-первых, потому, что я исправился: не играю и не пью более...

— Воды?

— Нет, водки, вина, рому, ликеров и всего хмельного, выдуманного чертом на пагубу души и тела.

— Давно ли такая перемена? — спросил я с любопытством и беспокойством, ожидая, что такой переворот в жизни Таркова мог произойти только от чрезвычайного случая.

— Со вчерашнего дня, — отвечал преважно Тарков, — да, со вчерашнего дня я не пил ничего, кроме воды,

* До крайних пределов, дальше некуда (*лат.*).

подливая в нее немного рому или вина, чтобы резкая перемена не повредила здоровью.

— Уж не влюблен ли ты?

— Был, но вполне разочарован, — со вздохом продолжал Тарков, — разочарован ужасно, и не только в любви, но и в дружбе, в приятности, в наслаждениях, в жизни!

Такое вступление успокоило меня. Человек, который в минуту разочарования не сошел с ума или не лишил себя жизни, и идет рассказывать о том приятелю, расцеживая рассказ вздохами и охами, тот человек не в опасности.

— Расскажи мне историю твоего обращения.

— Вчера, — отвечал Тарков, — я заехал обедать к Фельету, и на радости, что поутру удалось обменяться на Невском взглядом с парюю черных, выразительных глазок Софьи М...цен, выпил с двумя товарищами полдюжины бутылок шампанского.

— До разочарования или после разочарования? — спросил я.

— Естественно, *до*, а не *после*: это был путь ко спасению, преддверие разочарования. Распростившись с товарищами — куда деваться? подумал я. В театр рано — шесть часов; домой — заспишься: дай заверну к приятельнице Александре Филиппьевне.

— Кто же эта Александра Филиппьевна?

— Какой же ты профан, Поля! Ты не знаешь Александры Филиппьевны, знаменитой ворожеи, которая уже с полгода кружит всем головы чудным угадываньем будущего и прошлого? Она нередко приглашается в дома знатных, и некоторые — правильно ли, нет ли — прозвали ее **Madame Rokoko**.

— А! слышал.

— «В Шестилавочную!» — закричал я кучеру. Александра Филиппьевна так славно угадала мне горе-арест

и радость-чин, что смешно было сомневаться в чудном знании ее угадывать будущее, и мне запала мысль: разгадать — любит ли меня Софья М., да пришлет ли матушка денег? Много бродило у меня в голове и других мыслей, тайны которых должны были раскрыться перед всеильным знанием Александры Филипповны; к тому ж гороскоп, ею продиктованный прошлою осенью, был на исходе. Въезжаю во двор, дергаю за колокольчик; рыжий бесенок, маленький маймист*, отворил дверь и — вот я в жилище Александры Филипповны! — «Барыни дома нет, — проворчал мальчишка, — да она скоро будет; подождите, коли хотите». Намерение разгадать некоторые вопросы, которые тщетно думал я разрешить сам собою, убедило меня дожидаться ворожей. Мальчишка ввел меня в гостиную, поставил на стол сальный огарок, затворил дверь, и я остался один, с трепетом ожидания в сердце. Комната, давно мне знакомая, убрана была просто: диван и несколько стульев чинно стояли у стен, поджавши ножки, по обыкновению всей мебели, продаваемой на Апраксинском дворе; на стенах висели, в приятном беспорядке, несколько картинок без стекол, под завесою паутин и пыли, и в рамках, объединенных тараканами и временем; в углу, на полке, красовались кофейник — источник знаний Александры Филипповны, и несколько фарфоровых чашек. Все было просто и не ново для меня. От безделья я растянулся на диване, и мысль за мыслью, мечта за мечтою, занесли меня за тридевять земель в тридесатое небо. Прошло более получаса с тех пор, как я пустил коня моего воображения в долину фантазии...

— Ба, да не сделался ли ты поэтом? — перервал я.

* Петербургское разговорное назв. финнов, чухонцев, от финск. «эй мой-ста» («не понимаю»).

— Берегись, Алеша! Далеко ли до греха! Ведь с поэзии опьянеешь хуже, чем с бутылки старого рейнвейна.

— Да, и мне казалось, что я пьянел....

— С выпитого вина?

— О, нет! Вот редкость: выпить две бутылки шампанского, да несколько рюмок ликеру! Нет — мне казалось, что я опьянел от мыслей: они кружились вокруг меня, словно оживленные в фантастических образах, то звездным роем прелестных глаз, то радужными лучами пламенных взглядов, то вереницею чудно-белых рук и пышных плечиков...

— То плетеницею длинногорлых бутылок рейнвейна и горбатых склянок венгерского...

— Не смейся, Воля, над моими мечтами: они были сладки и упоительны, как чарующая поэзия гармонического стиха Мура*, как волшебный звук смычка Паганини...

Перед такими могущественными авторитетами, избранными для сравнений прелестных глаз, пламенных взглядов, чудных рук и плеч, я замолчал, а Тарков продолжал свою речь.

— Мне казалось, будто все эти образы, в бешеном кружении, касались невидимых струн и производили звуки, которые находили отголосок в моем сердце; казалось, что они группировались в живых картинах, каких, конечно, не изобретет N. N. И долго, видно, длилось чудное состояние моего воображения, с полчаса, я думаю. Но вот, сам не знаю как, я опомнился, взглянул, и вообрази мое удивление, когда из-за тусклого света нагорелой свечи увидел я длинную фигуру Александры Филипповны, серые глаза которой как будто шарили в моем сердце....

* Имеется в виду ирландский поэт Т. Мур (1779-1852).

В минуту пробуждения от сладких мечтаний, вид тусклых глаз Александры Филипповны, в которых светилось *что-то неземное*, произвел на меня неприятное впечатление. Сначала как будто досада, а потом какой-то невольный трепет охватили мою душу. Александру Филипповну и днем встретить невзначай, так напугаешься, потому что наружность ее зело некрасива. Вообрази себе женщину лет 50-ти, худую и желтую, как высушенный гусь, длинную, как верстовой столб, с лицом, изрытым рубцами, оспинами и морщинами наподобие вяземского пряника, с цветом зеленой бутылки, тонкими губами, из-за которых выдаются наружу четыре желтых клыка, и со взглядом неподвижной мертвенности! Наряд ее соответствовал оживленным прелестям: шелковое платье ярко-пламенного цвета, и сверху желтый платок, на голове чепец с широкими лентами, в которых опять встречалось сочетание пламенного и желтого цветов; из-под чепца торчат пряди седых волос в виде локонов, опушенных инеем... Все это бросилось мне в глаза, и долго в оцепенении смотрел я на ворожею, так неслышно подкравшуюся в комнату в самом разгаре моих мечтаний... Наконец, она заговорила могильным голосом:

— Алексей Павлович! забыл ты Господа Бога; знаешь-ся ты с повесами, да с чаркою; заглядываешься ты на хорошие глазки! Повесы и чарочки не доведут тебя до добра, а красивые глазки обморочат твою душу, сожгут твоё тело, выпьют твою кровь, да потом и забудут, как старую, изношенную ветошь.

Такая речь не была для меня новостью, будучи всегдашним приветствием не только Александры Филипповны, но и двух теток-старух, да дяди-старика, выживших из лет. Но никогда не производила она на меня такого действия, как в ту минуту, когда воображение мое было подготовлено к восприятию всего види-

мого и слышимого в чудесном виде и смысле. Мысль о прошедшей жизни упреком уязвила меня; в самом деле: что день — то пирушка, да карты, что ночь — то бал, да новая страсть, и обольстительные и живые речи, и ни одной дельной мысли, ни одного основательного поступка, ни одного доброго дела, чтобы уравновесить, хоть сколько-нибудь, весы отозвавшейся совести. Закусил я черный ус в раздумье, а по телу мурашки забегали, но ей-ей, не от страха, а — стало совестно!

Александра Филиппевна не переставала смотреть на меня, будто выпытывая мои мысли.

— Что? Совестно стало? Благо, что совесть есть! А хочешь, докажу тебе, что приятели твои верны только до черного дня, а черные очи твоей трэфовой дамы смотрят на тебя нежно только в глаза, а за глаза посматривают на другого, на третьего, и, может быть, на пятого, на десятого, меня вас, как меняют нарядные платья, и глядя на всех равно умильно?»

Стало мне досадно, слыша такие слова о товарищах-друзьях и о душе-девице. «Давно ли, — подумал я, — дружеское пожатие рук за чашею пенистого вина запечатлело тесный союз дружбы? Давно ли в черных очах моей красавицы прочитал я красноречивое признание в любви? Давно ли видел расцвет распускающейся розы на ее щеках при нашей встрече на Невском? Не мог обман заползти змеей в это прекрасное тело и очаровывать меня в ее влажном взгляде и трепетной речи!»

И я не выдержал с досады.

— Докажи! — сказал я.

— Не веришь, так увидишь, а коли хочешь, так и услышишь, — отвечала ворожея. — Знаю гаданье, которое мне открыла покойная бабка, урожденная цыганка, и которое не всегда безопасно. Она вынесла его из далекой стороны, из-за синя моря, где нет зимы, где воды

текут медовые, где берега кисельные. Хочешь попробовать, так укрепись духом».

— Гусару ли трусить? Давай гадать, — отвечал я, думая, что гаданье ограничится бобами, кофейником, много-много что зарезанной кошкой. Далее нынешняя дьяволистика не шагает, убоясь тьмы, а может быть, и света премудрости.

— Так, оденься потеплее, — продолжала ворожея.

— А зачем?

— Мы поедем в луну.

— Как в луну? — спросил я в удивлении, думая, что ворожея шутит или хлебнула неосторожно заветного. Но она уверительно отвечала:

— Да, в луну. Тебе кажется это мудреным и невероятным, потому что в ваших книгах и умах о том не писано, потому что для ваших мудрецов многие тайны природы недоступны. Да ведь они не умеют за них взяться: бродят около них, словно в потемках, чахнут над вычислениями, и подчас морочат людей, выворачивая наизнанку старую, давно изношенную истину, а внутренне сознают, что они дошли только до того, что еще ничего или почти ничего не узнали. Рады они, как чуду, когда иная тайна сама прилетит к ним в руки; тут загомосятся они вокруг нее, словно пчелы вокруг улья, и давай ее вытягивать проволокою, да пересылать через нее повестки за тридевять земель, или заpirать в ящик с водою, да кататься по белу свету без лошадей или без парусов, или закатывать в порошок и лечить людей. Многое вам кажется чудным, что за несколько тысяч лет было добром целых поколений мудрецов, а многое, чего не ведаете, кажется вам смешным, потому что вы не понимаете глупым разумом, что все создано для человека и в его власти должно находиться.

Такая диссертация изумила меня. Откуда могла Александра Филиппьевна почерпнуть столько умных рассуждений — она, простая женщина, ворожея для снискания насущного хлеба? Чудно действовали на меня ее слова: сначала мне невероятны до смеха казались слова старухи; потом сомнение закралось в душу... «Почему ж нет? — подумал я. — Многие тайны известны простому народу, и между тем недоступны образованному уму, заграждаемые формами наук и схоластическим изучением природы; многие тайны умерли для света в пирамидах Египта и в иероглифах, доселе неразгаданных». Тут мне бросились на память старые уроки о чудесах древнего Египта, остатки которых еще видны в древней Индии, колыбели человечества и знаний, которые хранятся теперь от любопытства людей не как святыня, пред коей преклонялись народы, а как способ для выручки денег.

— Едем, — сказал я решительно, окутываясь в холодную шинель.

— Как пуститься в такое далекое, чудное путешествие, не прибавив храбрости! — сказала ворожея. Я согласился. И вот Александра Филиппьевна поднесла мне какого-то жидкого снадобья, которое раскаленным свинцом разлилось в моих жилах; потом принесла метлу и ступу, стала над ними шептать какие-то заклинания, перевернулась раза три, сунула мне метлу в ноги, сама села в ступу, и только успела проговорить: «Держись крепче!», как мы вихрем вылетели в дверь и понеслись — к небу.... Что я чувствовал в начале нашего воздушного путешествия, не могу тебе описать. Мне не случалось летать по воздуху во сне, и такие сны доставляли мне всегда невыразимое удовольствие; но лететь действительно, в необъятном пространстве, чувствуя под собою, вместо коня, метлу, и вместо стремян, воздушную глубину, лететь в обществе ведьмы и звезд, вне

области привычной жизни — такой полет, признаюсь, сначала показался мне страшен, тем более, что быстрота исторгала из глаз слезы, занимая дыхание, мысли сжимались, будто в гомеопатическую порошок, а чувства были, как в предсмертной истоме. Машинально держался я одною рукою за моего бесподобного Буцефала, а другою за край одежды Александры Филипповны. Однако ж незаметно чувство страха прошло, и со всею беззаботливостью моего характера, скоро свыкся я с настоящим положением, в котором, могу поклясться честью гусара, не случилось быть ни одной душе христианской нашего премудрого века!

Мне даже поправился такой спокойный род езды, где одной мысли достаточно было направлять полет самолетных коней — метлы и ступы, и где можно было безопасно нестись, не боясь ни оврагов, ни болот, ни перекрестных дорог, ни встречных проезжих. Только две мысли меня беспокоили: неизвестность, сколько продолжится мое отсутствие из Петербурга, и перспектива ареста за самовольную отлучку при возвращении. При таких мыслях невольно упал взор мой на оставленную землю: Петербург будто тонул в волнах лунного света, и из волн его выглядывали то светлые шпицы церквей, то каменные гряды домов; блестящей змеею текла Нева, перерезанная островами, а вдали струился Финский залив, будто накрытый серебряной чешуей, в которой то зажигалось, то погасало отражение звезд небесных. Картина была прелестная. Окрестности Петербурга отдыхали в безмолвии вечернем, между тем как из города ясно долетали до меня звуки житейских забот, не пугавшихся течения времени, которое каждые четверть часа, будто со стоном, отрывалось от настоящего, и в звуках часового боя улетало в мир вечности. До того ли жителям столицы, чтобы считать четверти часов, когда они губят годы, бросают це-

лую жизнь за несколько мгновений искусственного наслаждения, ссорятся с настоящим и вечно рвутся в будущее с запасом надежд? И вот, с последним ударом часов, я насчитал одиннадцать. «Теперь, — подумал я, — моя красавица в роскошном будуаре, среди пышных нарядов, своенравничает перед зеркалом и перед своею уборщицею, подготавливает обаятельные улыбки и взгляды, и мысленно перебирает поклонников — кого бы подарить своим вниманием на предстоящем бале? А если она думает обо мне? а если она любит меня одного, и душа ее обручилась с моею душою, и хранит тайну заветную в сокровищнице девственных дум, залитую льдом приличий? Что, если в мечте она назначила сегодняшний вечер вечером признания, и с трепетом ждет встречи со мною, спеша высказать мне думу своей души? — А меня там не будет, и рука ее задрожит в руке другого, мысль ее сольется не с моею мыслью, и не я буду глядеться в зеркало черных очей!» Эта мысль бросила меня в дрожь; я забыл небо, к которому влекла меня сила метлы и Александры Филипповны, забыл опасность и выпустил из рук безногого Буцефала, чтобы потеплее закутаться в шинель; только кавалерийская привычка держаться крепко коленками спасла меня от смертельного сальто-мортале на землю.

— Эх, Алексей Петрович! — сказала мне укоризненно спутница, — не оставил ты земных желаний и помыслов! Опасно нести их с собою в чистое море воздуха, где все свято от начала мира и куда может залетать только мысль. Сбрось на землю бремя искушений, которые мутят твою душу, отряхни прах дум и желаний, которые гнездятся в твоём уме. Посмотри на Божий мир: не красивее ли он пестрого и тесного мира, тобою покинутого? Взгляни на эти звезды — не светлее ли они горят, чем очи твоей красавицы! Надышись этим воздухом: не чище ли он воздуха ваших гости-

ных? Оставишь мирское, яснее увидишь, что хотел.

Она замолчала, и я, пораженный истиною слов ее, будто стал перерождаться нравственно. Без сожаления, как излишнюю тяжесть, стал я сбрасывать мысль за мыслью, желание за желанием, чувство за чувством; только зрение и слух оставил я при себе на бессменные ординарцы. Разум озарялся, как мир на заре рассвета; понятие волнами врывалось в него, и все предметы, доселе недоступные уму, горели в ясном блеске света. С восторгом погружались взоры мои в бесконечное пространство, усеянное бисером звезд, между которыми яснала все ближе и ближе серебристая луна; слух, утонченный в редком эфире, с наслаждением прислушивался к чудной гармонической тишине, нарушаемой только звуком пролетных метеоров и падающих звезд. Тогда с гордостью посмотрел я на землю, которая необъятным шаром плыла в пространстве, будто окутанная светлою атмосферою. От чудного ли действия этой атмосферы, в которой родились мы с Александрою Филипповною, которою мы дышали столько лет и которая унеслась вместе с нами в небо — не знаю, но только и мы, по мере отдаления от земной сферы, стали светлеть и гореть огнем планет. Тело, одежда и наши самолеты — все покрылось фосфорическим светом, а за нами бежала звездистая струя, будто хвост кометы. Почему знать: может быть, в то время внимание какого-нибудь трудолюбивого наблюдателя небесных светил было обрадовано, как новым открытием, нашим появлением в двойственном виде, в числе светлых миров? Нас, может быть, сопричислили к новым звездам или кометам, окрестили в немецкое прозвание, настроили тьму систем, одну бессмысленнее другой, оттиснули за новость в журналах и брошюрках и подарили журнальным бессмертием!

Воздух был так редок, что мне слышалось биение

моего сердца и сердца моей звезды-спутницы, а тело до того просветлело, что сквозь него виднелось ясно движение крови. Александра Филиппевна, с чудною понятливостию — даром эфирного пространства — прочла мою мысль в голове, как сквозь прозрачное стекло, и сказала:

— Поудивляйся! Скоро не только будешь слышать биение чужого сердца и видеть движение крови, но услышишь даже чужие мысли, самые тайные и заветные желания, и увидишь просветленным взором истинное добро и зло, которое живет на земле.

Небесные светила не росли перед нами, хотя мы, казалось, приблизились к ним на ближайшее расстояние, судя по отдалению земли, мелькавшей вдали бледным шаром. Тут понял я, как ничтожны наши понятия о необъятности пространства, которое мы думаем вычислить на человеческих цифрах. Милльоны милльонов верст в этом пространстве были каплею в Океане, невидимым атомом в воздухе, песчинкою в степях африканских. Сознание в бессилии человеческих умствований перед величием создания отторгнуло от меня последнее чувство земное — гордость, и я с смирением и с восторгом любовался мирозданием.

Пролетев половину расстояния, отделявшего нас от луны, мы увидели солнце, но не то солнце земное, которое, подружась с земною атмосферою, дает жителям земли свет и тепло и брызжет на них лучами жизни, не солнце с восходом и закатом, как будто ежедневного гостя земли или странника, осужденного на вечное путешествие по известным законам обмана чувств, а просто светлую планету, без тепла, без лучей, неподвижную, кружащуюся только вокруг себя и служащую центром кругооборота толпе других меньших планет, планету, каких много в небе, без особой красы, без восхода и заката, без румяной зари — шалуни утренняя,

и без зари вечерней — подобия тихой смерти, без намета облаков и даже без вечной его спутницы — поэзии мирской. «Долго же ты морочил нас! — подумал я, глядя прямо в очи солнцу, без страха встречая его ледяное сияние. — Постой, брат: воротясь на землю, я разочарую мир насчет твоих прелестей. Ты, видно, за то и любишь нашу крошечную планету, что она убирает тебя в лучи, да делится с тобою теплом, рядит в серебряные локоны облаков и в шапку бобровых туч, умывает поутру живительною рососою, тешит громовою музыкою и потешным огнем молнии... Разве обещаешь ты мне много красных и теплых дней на земле, разве вызовешь для меня у любовницы твоей, земли, много пышных роз, разве радугою счастья заманишь ты в мое жилище... Ну, с таким условием, хоть и по рукам, ударим мировую!»

Все дальше и дальше, быстрее и быстрее неслись мы. И вот луна стала принимать все формы и цвета земли, а земля стала казаться большою луною, ближе и ближе... Что за чудо! да это земля! Вот черное пятно — это Атлантический океан; вот темною полососою отделилась Британия от твердой земли, будто отрезанный от Европы ломоть; рядом с нею Франция: в ней что-то мало светлых пятен; рядом Швейцарские горы, блестят, как в истории героические подвиги ее сынов; вот ученая Германия — светлые линии бороздят ее во всех направлениях, не составляя одного целого; рядом с нею, в море света, горою, исполином, высится Россия, опираясь на скалы Финские, горы Балканские, Кавказ, Урал, хребты Алтая и Саяна! Задрожало мое сердце, словно выскочить хотело от радости, заметив Россию, как родной дом при возвращении на родину, где ждут объятия матери и сестер, благословения отца, воспоминания золотого детства, светлое и спокойное уединение, колыбель сладких дум и источник радостей душевных!

Восторг мой был так же чист, как эфир, меня окружавший, но так же непродолжителен, как минута счастливого упоения, потому что Александра Филиппевна, угадавши причину моей радости, сказала:

— Ты ошибаешься, Алексей Петрович, принимая отражение земных предметов за самую землю, по привычке понимать вещи в превратном виде. Перед тобою луна, и ты на ней увидишь и услышишь истины и тайны, разрешения которых никто не дал бы тебе на земле. Таинственно разгадается тебе твоя судьба; ты увидишь, будто въяве, землю, реки, города, людей, твоих знакомых; ты увидишь их в тех же положениях, в каких они находятся действительно на земле, с тою разницею, что здесь видимое будет только отражением действительно существующего на земле, но зато и с тою несравненною выгодою, что сквозь просветленные, так сказать, образы земные, ты, вместе с очаровательною наружностью образов, увидишь тайну их внутреннего бытия. Тебе доступны будут даже помыслы людей, и между тем, как слух твой будет поражен теми же звуками родного русского языка, теми же обманчивыми речами и обольстительно прекрасными уверениями, взор твой, в глубине сердец, в изгибах душ, в затворе мыслей, прочтет истину, не подверженную чарам слов и взглядов. Тут не нужно будет подслушивать тайну в невольном трепете сердца или дрожании голоса, не нужно угадывать состояния души по незаметной судороге губ или пролетной бледности лица — то средства земные, и они часто обманывают в назначении самое опытное внимание, и безошибочно употребляются только романистами в очерках страстей.

Дивны были речи, еще дивнее было слышать их от Александры Филиппевны, но после всех чудес, мною виденных и испытанных по воле моей спутницы, я не мог усомниться в истине ее слов, убежденный сверх то-

го, по собственному опыту, что с удалением от условий жизни, от обычных земных чувств и мыслей, разум светлеет и яснее познает бытие, а воля, скинув земные желания, получает новые силы и смело располагает стихиями, созданными для человека. Сверх того, такому перерождению простой женщины в создание ясновидящее и умно рассуждающее могли содействовать какие-нибудь тайны, ей одной известные: может быть, ее простота была только умышленная, чтобы спокойнее жить среди самолюбия людей, и под грубою оболочкою ворожеи, под уродливыми морщинами и сединами, скрывалась образованная душа, обманутая в ожиданиях, уединившаяся от людей в утешительное созерцание тайн и чудес природы?..

Между тем, мы быстро летели. Фосфорический свет луны начал исчезать, и чудное отражение земных предметов, в самых мелких подробностях, стало яснеть перед нами. При самом влете в атмосферу луны, мы встречены были весьма неприятно градом аэролитов, которые очень вещественно свистели мимо ушей, не привыкших к такому утощению. Множество вулканов, больших и малых, курились, дымились и взбрасывали на необычайную высоту огромные камни серебристого света. Это одно напоминало, что перед нами луна, а не земля, потому что наружная оболочка луны казалась истинно нашею землею. Укрывшись кое-как от неприятной встречи воздушных камней, мы начали опускаться над отражением России. Те же, за два часа виденные мною на земле моря, реки, озера, города, села, леса, степи рисовались в бледном свете — и вот заструилась серебряная чешуя Финского залива, змеей блеснула Нева, перерезанная островами, упираясь хвостом в Ладожский бассейн, а головою утопая в волне Балтики. Петербург, с золотыми шпицами и грядами домов, будто погружался в море света. И между тем, как

окрестности столицы отдыхали в глубоком сне ночи под звездистым наметом неба, тот же шум житейской заботы, но не столь громкий, как при отлете с земли, слышался из подобию нашего Петербурга, а с ним вместе бой часов, оклики часовых и лай собак.

Был час ночи, когда мы спустились на Адмиралтейской площади, или на ее отражении. Экипажи мелькали мимо нас, глухо стуча по опустелым улицам; запоздавшие пешеходы изредка являлись на тротуарах, то следимые, то предшествуемые своею тенью при удалении их или приближении к тускло горевшим фонарям; у будок бродили сонные часовые, вооруженные алебардами, и, от нечего делать, коротили время то песней, то выразительным зевком; в окнах было мало света: люди ремесленные и деловые отдыхали; люди светские и бездельные разбрелись по балам и шумным собраниям. Я рассказываю тебе все мелочные подробности потому, что они бросились мне в глаза первые при спуске на луну, и все они, будучи только тенью или отражением действительности, поражали необыкновенною верностью в сходстве с оригиналом.

— Где же хочешь ты начать опыт познания людей? — спросила меня спутница.

— Начнем с бала князя N... — отвечал я, — там я должен найти почти всех давнишних товарищей-гуляк и Софью M... Сердце на передки, а ум оставим покуда в обозе....

— И тому, и другому будет работа, — заметила Александра Филипповна, — но, выводя тебя на дорогу истинного познания людей, мне должно предупредить тебя, Алексей Павлович, что я не принимаю на свою совесть последствий от тех горьких истин, которые ты увидишь и услышишь. Счастье большей части смертных заключается именно в том, что они целый свой век бродят в очарованном кругу и, обманываясь на каж-

дом шаге, бегут за новыми призраками и так добегают до могилы. Мечты — наслаждение для человека: они любимые его игрушки; он убирает их в лучшие украшения земные, заимствуя из неба только изредка молитву, чтобы ею освятить иную мечту, окрестить в ней, как в купели, лучшие надежды и, как щитом, ею заградить любимое дитя от злости света и непостоянства судьбы. Разбей сосуд надежд человека, разорви чудную ткань мечты его, и он убьет себя с тоски, но прежде убьет того, кто коснется его сокровищ. Хотя в свете разочарование ныне в моде, но поверь, что оно только в словах и на кислых рожах: полное разочарование — смерть для человека! Есть ли возможность разочаровываться, когда в будущем море неизвестности? А где есть тайна, которой не раскроет земное знание, тут-то люди и липнут, стараясь поднять край завесы, скрывающей грядущее, и в бессилии строят воздушные замки, мечтая о тайнствах своей судьбы. Нет! теряя непрерывно в горьком опыте самые драгоценные мечты, человек продолжает наводить волшебное стекло на все окружающие его предметы и зовет к себе очарование. Но тяжело ему расставаться с уверенением в ложной дружбе, в обманчивости любви, в непрочности всех связей, и он с тоскою встречает опыт, который по временам открывает ему глаза, показывая истину в наготе. Тяжело, может быть, и тебе будет расстаться с лучшими мечтами, которые перелетными пташками напевали тебе радости, или чудною кистью природы рисовали будущее. Так подумай: я предлагаю тебе хотя и неполное разочарование, но тоже опыт, только он не будет стоить ни времени, ни здоровья, ни денег, опыт, который раскроет тебе в настоящем свете связи, на которых ты нежил свое настоящее и убаюкивал будущее. В несколько часов ты узнаешь все, но есть еще время отложить наш опыт и остаться в приятном заб-

луждении.

— Нет, Александра Филипьевна, — отвечал я решительно, — может быть, счастье жизни обещает мне такой опыт; может быть, в нем почерпну истины, которые устранят меня с пути заблуждения. Не раз горько мне доставалось от чар прелестных глаз и обманутых ожиданий: отступлю ли я теперь перед возможностью разрешить заветные вопросы? Гусару ли отступить от боя, не изведав наслаждения опасности?

В самом деле, любопытство стремительным ключом подмывало меня, и мы поехали по Невскому, я на помеле, а Александра Филипьевна на ступе. Думаю, от построения Петербурга по улицам его никому, не только гусару, не случалось ездить на помеле, а барыням на ступе! Хотя я и был убежден, что все меня окружающее не есть мир действительный и что нарушение формы на луне не грозит арестом, но, право, несколько раз, при встрече экипажей, в которых блестели генеральские эполеты и рисовались хорошенькие женские личики, меня бросало в дрожь, а от стыда, казалось, даже волосы краснели. Желая безопасно испытать, действительно ли мое странное появление на помеле не произведет какого-либо впечатления на людей или на их тени, мимоездом подъехал я к будке и спросил у будочника: «Который час?» На то не последовало ни ответа, ни даже обычного движения алебарды перед лицом офицера; часовой бессмысленно смотрел то на небо, верно, поджидая часа росы небесной или вызывая утро, а с ним и смену, то на холодную мостовую, будто приискивая на ней жесткое изголовье. Невнимание полусонного будочника не вполне бы меня еще успокоило, если бы я в то же время не заметил, что свет ближнего фонаря, ударяя прямо в нас, будто проходил сквозь меня и Александру Филипьевну, не ложась за нами тенью, между тем как тень ясно бродила

около будочника и его алебарды. Успокоенный вполне, я беззаботно продолжал следовать за моей спутницей, но по дороге не выдержал — завернул на минутку в гостиницу Кулона, где моя квартира, увериться в действительной исправности моего Ваньки, за трезвость и честность которого я готов был побожиться. На помеле-самолете быстро влетел я в четвертый этаж и, не чувствуя под собою пола, поддерживаемый только чудесною силою моего воздушного Буцефала, очутился перед занимаемым мною номером. Смотрю и не верю: дверь настежь, вещи разбросаны в беспорядке, наплывшая свеча догорает, бросая неясный свет на все предметы, а Ванька — о, начало горького опыта! — Ванька, полумертво пьяный, валяется на моей кровати! Забывшись, я было протянул руку, хотел протрезвить негодяя, но рука ударилась о пустой воздух, а между тем взор мой видел ясно пьяницу и прочел даже заснувшую вместе с ним радость удачи в постоянных обманах! С досады, я помчался за Александрю Филипповною на бал князя N...

Зарево освещения издали указало нам дом князя; длинные ряды экипажей запрудили улицу, примыкая густою массою к блестящему подъезду; в окнах горели тысячи огней и мелькали стройные четы, увлекаемые вихрем вальса, и толпы голов, состоявших не у дел; очаровательная музыка оркестра Бабицкого раздавалась из комнат, оживляя танцующих звуками штраусовского вальса.

Через мраморные ступени, уставленные цветами и униженные сонными лакеями, мы влетели в залу, и — вот я наконец у цели, у порога опыта и нового очарования...

Люди все были, как люди земные: дамы разубраны, затянуты донельзя; некоторые милы, грациозны, прелестны, все кокетливы; мужчины с коками и без ко-

ков, в одежде разных цветов, в палевых перчатках и с палевою физиономиею, с самоуверенностью в речах и взгляде; те и другие ходили, кланялись, приветствовали друг друга по-земному; все двигалось чинно, исправно, холодно и вежливо, как во всяком порядочном салоне, с условиями, принятыми на земле и усвоенными высшим обществом. Танцующие пары стройно сходились и переплетались, скользя по паркету под меру музыки. Говор речей то возникал, то упал, еще не связанный бесконечною занимательностью продолжительной мазурки, на которую приглашения и речи готовы за несколько дней; празднество было еще на первой главе романа, где действующие лица выступают на сцену без видимых близких отношений, где рассказ ограничивается наружным обзором, вроде инспекторского смотра, и где чудная плетеница страстей еще кроется под наружным невниманием или равнодушием. Засмотревшись на оживленные призраки, слыша их разговоры и встречал в них на каждом шагу знакомые лица, я вовсе забыл бы о луне, если бы в то же время не чувствовал под собою помела-самолета, а обок присутствия Александры Филипповны, хотя и с просветленным умом, но все же не бальной подруги. Призраки проходили мимо, даже сквозь нас, а между тем, я видел их в настоящих, людских образах и слышал голоса точно земные.

— Удивление неуместно после всего тобою виденного, — сказала Александра Филипповна. — Перед тобою свет без маски: смотри, читай в сердцах и мыслях; пользуйся временем, чтобы разом узнать разрешение заветных вопросов, пока все твои друзья и знакомые в сборе и пока все они думают и говорят не во сне; я, между тем, слетаю на четверть часа по своим делам.

Что ближе к сердцу, с того и начну, подумал я и с

трепетом стал искать в толпе призраков обворожительного призрака моей милой. Скоро слишком знакомый голос указал мне ее в амбразуре окна, обставленного цветами. Прелестная, как оживленная мечта, она с детскою грациозностью отдыхала в креслах, небрежно слушающая и отвечая на пустословие нескольких прославленных умников, и перебрасываясь ничтожными замечаниями с двумя другими девушками, ее светскими подругами. В ее наряде, позе, ответах не было ничего изысканного; все было мило отдельно, с полною гармониею в целом.

Блеск трех грушеобразных алмазов ее фероньерки* замирал перед блеском ее черных очей, осененных длинными ресницами; в черных кудрях, обрисовывавших ее итальянское личико, рассыпаны были цветы из жемчуга и брильянтов, а вокруг матовой шеи вилялась нитка бурмицких зерен, споря в молочной белизне с белизною обворожительных плеч. Талия — прелесть: тонка, как ее шейка, гибка, как перо султана! Но какую очаровательную негою дышала ее возвышенная грудь, разграниченная по указу природы тесною межою на два равных, заветных участка, где тайна, как резвое дитя, притаилась под кружевную оборочкою и складками шелкового платья, шаловливо выглядывая на людей, маня к себе и торопливо скрываясь по прихоти своенравной воли. Неуловимы в прелести трепетного движения, как желания красавицы, перед ними волшеббно топились мысли в мечты, а мечты вспыхивали безотчетным восторгом. И как символ неразрешенной девственной тайны, на божественной груди приколот был букет из нераспустившихся роз, будто ожидающих рассвета дня, чтобы под страстным поце-

* Женское украшение в виде обруча, ленты или цепочки с драгоценным камнем или розеткой из камней, от *фр.* *feronnière*.

луем солнечного луча зацвести полным, пышным расцветом.

В немом восторге смотрел я на прекрасный призрак; мне и на ум не пришло заглянуть в тайный смысл его дум — так свята, так непорочна казалась она! Ответы ее на замечания и вопросы доказывали, что она не принимала живого участия в разговоре, и накрахмаленная любезность двух записных франтов спасовала. Они исчезли; их тотчас заменили другие любезники, в числе которых я узнал моих приятелей Брякушкина и Веерова; с ними подошел офицер, венгерец родом, молодец собою, гусар душою, мой задушевный друг с масляничной гульбы. Его приближение видимо оживило Софью М. Незаметная улыбка самодовольствия пробежала по ее лицу — меня бросило в жар...

Разговор завязался приглашением на следующие кадрили; от приглашений перебросился к балу, убранству комнат, дошел до цветов, и тут цветисто рассыпался потоком сравнений и замечаний.

— Я не удивляюсь, что вы предпочли общество цветов нашему обществу, — заметил венгерец. — Цветы, говорят, сродни красавицам, а кто больше вас имеет право на такое родство!

— К какому же семейству цветов причислите вы нас? — спросила Софья М., уделяя подругам часть своего торжества.

— О, конечно к семейству роз — не здешних, чахлых, бесцветных роз, но тех, которые пышно цветут и благоухают под теплым небом моей родины!

— Розы недолговечны, граф...

— Да, что вечно? Однообразие вечности в прекрасном убило бы цену изящного; взор и обоняние, привыкнув к красивому цветку, утомились бы его однообразием; красота девушки не была бы предметом обожа-

ния мужчин, если бы она могла длиться целую жизнь и не менялась с каждым днем.

— *Comparaison n'est pas raison*, — заметил меланхолично Вееров.

— *Mais n'est pas une déraison dans le cas présent**, — отвечал граф. — Зимой вы жаждете зеленых и цветущих лугов и летнего тепла под раскидистой тенью деревьев, а лето не успело прийти, и вы уже скучаете однообразием зелени и зноем солнца, мечтая о полях, запущенных снегом. Впрочем, однообразие красоты, вероятно, надоедает и женщинам — не правда ли?

— Не правда, граф. Я хотя не считаю себя в числе красавиц, однако ж не желала бы потерять, по крайней мере, красоты молодости.

— Да, молодость в вас прекрасна, но вы прекраснее молодости, и однако ж, что ни день — зачем одеваетесь вы в новую прелесть? что ни бал — зачем новыми чарами преображаете вы свою красоту?

— Мои бедные прелести меняются только от моего наряда, а остальное....

— *Ostальное vient de soi-même***, — подхватил Брюшкин.

— Вы закидали нас комплиментами — сказала Софья М.— и я, право, боюсь, граф, что наконец в самом деле поверю вашей шутке о скуке однообразия в прекрасном!

— По однообразию нашего разговора, по однообразию, может быть, восхищения, с каким мы любимся вами и которое вам надоело встречать во всех глазах и во всех приветствиях? Не скучайте хвалой света: в ней всегда есть основание правды.

— Комплимент не правда, а лесть.

* Сравнение неверное. — Но в данном случае не лишнее оснований (*фр.*).

** Само собой разумеется (*фр.*).

— Комплимент обращается в правду, когда он относится к вам.

— Ваши правды лестны, но....

— По крайней мере, они не лесть, а выражение чистого восторга.

— И вы не скучаете однообразием его?

— Мой или, лучше, общий восторг, только однообразно обращен к одному предмету, но с каждым днем меняется и растет в объеме и форме.

Тут Александра Филиппевна подъехала ко мне и спросила:

— Что же твой опыт?

— Я не начинал его, — отвечал я. — Глаза мои видели только красоту Софьи, а уши заняты были ее разговором.

— Видно, без меня, ты как дитя без няньки. Я не хотела участвовать в разочаровании твоих задушевных тайн, не хотела служить тебе указкою в изучении азбуки сердец, предоставляя самому все видеть и поверять мысли словами. Вижу, что без меня ты ничего не узнаешь: смотри же и слушай! Взгляни в сердце твоей Софьи: видишь ли ты в источнике чувств радостное трепетание от разговора с венгерцем; взгляни на голову ее, колыбель мыслей — разве не прочитаешь ты в них разными наречиями европейскими написанное: «Граф мой; я ему нравлюсь! Он богат и знатен, прекрасен и умен! Он будет моим мужем, повезет в Вену! Там я буду жить во дворце, в знатности и богатстве». Посмотри — у ней нет ни одной мысли о тебе!

В самом деле, вслед за взглядом Александры Филиппевны легко проникнул я в глубину души и сокровенность мыслей Софьи, и с ужасом убедился в истине слов моей спутницы. Но мало того: я узнал, что сердце ее никого не любит, ни даже красивого венгерца; что оно залито эгоизмом и самолюбием. Горестно бы-

ло разочарование; гнев волнами колыхал кровь и надвигал ее то к сердцу, то к голове. Я был игрушкой светской куклы; я верил взгляду, в котором была одна просьба для каждого: «Возьми меня замуж». О, Боже мой! как смешны показались мне мои мечты, моя уверенность в чистоте ее души и привязанности ко мне! Как смешон был я сам, ползая перед каменным идолом! Урок был полный, поучительный, но еще сомнения крылось в душе моей, и я невольно последовал за Софьею и ее подругами, когда они, по звуку призывного туша, встали и примкнули к рядам строившегося контраданса.

Граф танцевал с нею; я стал позади и слышал весь их разговор. Восторженный венгерец таял перед опытною кокеткою и, рассыпая перед нею чистое золото пылкого чувства, получал в обмен только позолоченную мишуру сочувствия. В его сердце я видел море счастья, в его мыслях волны цветистых дум; я узнавал себя в неопытной, но страстной речи, которая без связи вырывалась у него шепотом, под гром музыки.

— Нет, *mademoiselle Sophie*, вы напрасно отвергаете сочувствие душ, называя любовь чувством эфемерным, небывалым! Есть минуты восторга в жизни человека, когда он, забывая себя, родных, света, будущее, весь принадлежит любимому существу.

— Да, может быть, есть минуты, — отвечала она, — минуты летучие и скоро забытые.

— Нет! не скоро забываются минуты неземной радости; они западают в душу искрою и скоро разгораются пламенем, сожигая кровь; в них начало и конец земных мечтаний о небе, в них зерно жизни или смерти!

— *Mais c'est trop pathétique pour une contredanse, monsieur le comte**.

* Но это слишком патетично для контраданса, господин граф (*фр.*).

— Язык сердца не умеет разбирать времени и того или другого танца; он спешит пользоваться летучею минутою бальной встречи, дорожа мгновениями, как годами. И как не дорожить мне редким случаем беседовать с вами, когда вы вечно или в толпе подруг, или ангажированы на все возможные танцы.

— Раннее приглашение зависит от кавалеров.

— Но от вас зависит избрание.

— Женскому полу предоставлено только бесслвно соглашаться.

— *Et si je vous prendrai au mot** — если бы я просил вас осчастливить меня обещанием танцевать со мною мазурку?

— Я отвечала бы вам, что обещание мое уже дано два дня тому.

— И я, верно, не ошибусь, назвавши Алексея Таркова вашим кавалером? — продолжал венгерец, вспыхнувши.

Услышав мое имя, я притаил дыхание, ждал ответа, как приговора, боялся потерять одно слово, одно движение, ожидая в голосе или в выражении лица прочесть что либо для себя радостное. Быстро, но незаметно она окинула собрание и спокойно отвечала:

— Вы угадали. Тарков пригласил меня на мазурку.

Венгерец нахмурил брови и стал крутить свой черный ус; я заглянул в его сердце! Чувства кипели в нем, как вода на очаге; видно было, что права товарищеской приязни боролись с пламенной любовью, но сердце предатель, когда дело идет о соперничестве в любви — оно одержало верх. Он посмотрел на часы и сказал:

— Двенадцатый час, а Таркова еще нет. Странно! Верно, его удержало что-нибудь важное. В случае, если он

* И если я поверю вам на слово (*фр.*).

не будет, позвольте мне, как доброму товарищу, заступить его место.

— Очень охотно, граф, если вы хотите, — отвечала она, — но с условием. Поступок г. Таркова непростителен, и потому я буду танцевать с вами просто, с графом, а не с представителем г. Таркова.

— Условие лестнее для меня самого обещания: как представитель Таркова, я не имел бы права говорить за Графа, но теперь Граф осмелится говорить за себя.

— Тарков никогда не может быть тенью для вас, — отвечала Софья, бросив на него взгляд очаровательно соблазнительный, от которого мурашки забегали у меня по телу.

Уже граф готовил ответ, может быть, полное признание, но в это время огромный аэролит, будто казнь небесная, разразился над предателем и изменницею — я отшатнулся, окутанный облаком серебристой пыли, поднявшейся снизу, и, оскорбленный во глубине души, поворотил своего безногого Буцефала от танцующих привидений, нисколько не встревоженных появлением воздушного камня.

Говорить ли тебе о планах мести, о разгаре негодования, о глубоком горе? Все шевелилось, кипело во мне, но, к счастью, Александра Филиппевна нашла средства развлечь и успокоить меня,

— Не горюй, Алексей Павлович, — говорила она, — ну, стоит ли сожаления кокетка, которая продает себя тому, кто больше даст или, по крайней мере, обещает? В общественном быту разве не все с торгу отдается и получается? Светская девушка знает, что красота товар линейный: надобно продать его повыгоднее и поскорее, и кто возьмет залежалый товар, когда на нем нет модных разводов, а тем более, когда внутренняя доброта его не в состоянии заменить потерянной свежести красок? Да, полно, не вы ли, молодые люди, сами вино-

ваты, что девушки стали нестойки в своем выборе? Зачем морочите вы их надеждою на замужество, когда в мыслях ваших только желание удовлетворить самолюбие, а потом позабавиться на счет легковерия и готовности ответствовать любовью за любовь. Не обвиняй других, не обвинив себя прежде. Вот взгляни на эту девушку. — Тут Александра Филиппьевна подвела меня к амбразуре окна, где уединенно сидела бледная девушка. — Взгляни на нее, она чиста и непорочна, как в первый день выхода из института; она была прекрасна и даже богата; она принадлежит к хорошей фамилии, но жизнь ее завяла до расцвета, ее весна продолжалась только несколько дней, пока длилось убеждение, что ее не обманул первый голос мужчины, шепнувший ей слово любви, пока она верила надежде, что обман не кроется во влажном взоре и трепетном пожатии руки. Теперь все зовут ее старой девушкой, подруги ее чуждаются, мужчины смеются над ее годами, а в чем заключается ее вина? В том только, что, отдавши раз сердце, она не имела довольно силы возвратить его, отвергла принятое светом право платить обманом за обман, и, затаив в душе горе, превратила его не в желчь, но в слезы. И море слез выплакала она за несколько дней обманутого счастья, за то, что молодому повесе захотелось попробовать над нею силы, заглянуть в ее голубые очи и заронить в ее душу внимание к его особе. Прошли годы — она не узнала счастья быть женою и матерью; она высохла с горя: она действительно старая девушка — а кто виноват?

«Да, Александра Филиппьевна, ты права, — подумал я. — Тяжелая ответственность лежит на многих из нас за шалости сердца. Конечно, минута любви неоценима; но если бы воображали мы гибельные последствия от необдуманного взгляда или от пламенного порыва речи, то, конечно, язык немел бы от ужаса, а очи

пухли бы от слез». При этих мыслях совесть моя пробудилась, раскаяние заняло место негодования — мне стало легче.

Отошед от унылого создания, бывшего предметом нашего разговора, я продолжал следовать за моею путеводительницею мимо сидящих дам и кавалеров. На некоторых из них Александра Филиппевна обращала особенное внимание, сообщая мне целую жизнь одних и краткие замечания о других. Все, казалось, были ей известны как морально, так и в отношении житейском: ремесло ворожей и дар ясновидения придавали большой вес ее рассказам. Много дивных повестей узнал я в тот вечер — они составили бы целые томы — и когда-нибудь я расскажу их тебе. Тут были имена без душ и души с изношенными именами; лица с известностью отжитою и знаменитости в будущем; плешивая юность под париком и старость в узких панталонах, с выкрашенными щеками; мелочные страсти под личиною великодушных идей, невежество, нашпигованное обрывками энциклопедических знаний, старые истины в новых платьях, идиллия Геснера* в корсете и чувство с умом на дне винного стакана. Тут безнравственность проповедовала о святости добродетели, порок прикидывался невинной овечкой, молодость, которая любит и боится в том сознаться, и старость, которая не любит, но по старой привычке волочится за любовью; больше ума, нежели сердца, больше заемных мыслей, чем ума, больше слов, чем мыслей, больше шарканья, чем слов и, наконец, больше скуки, чем действительного удовольствия. Физиогномия общества была бесконечно разнообразна, чего я прежде не замечал под влиянием действительной жизни и мелочных позывов страстей. Но тут, присутствуя в сборище, так сказать, толь-

* Речь идет о швейцарском поэте и художнике С. Гесснере (1730-1788).

ко наглядно, отчужденный от действительного мира, видя его как будто в диораме, имея другого **Diable boiteux*** к моим услугам и собственную способность все уразумевать и провидеть, я внимательно наблюдал выражение светской физиогномии в малейших ее отношениях. Грустно было развязывать узлы моих собственных верований в прекрасное при проверке видимого прекрасного с действительностью скрытую, но, право, не менее грустно было поднимать завесу, отделяющую мир фантастический, или кажущийся, от мира существенности, и видеть лишь развалины, где являлась полная жизнь, обрывки поэмы, где казалась целая блестящая эпопея, стон уязвленной души, где видится счастье, нестройную музыку, исполненную музыкантами с завязанными ушами, прекрасную картину, закиданную грязью, талант под пятою и громкое одобрение крикливой, а тем более *золотой* посредственности...

— Я судия изящного! — кричал один. — Разрушайте минувшее, созидайте новые храмы, не думайте о правилах — я правило!

— Разве правило, с помощью которого изящное сядет на мель или захлебнется от пресной воды! — отвечал другой. — Не слушайте его, внимайте мне: я нашел истину-абсолют; хотите ли узнать тайну делать золото? заплатите мне миллионы! кто даст больше? Господа! сюда — кто больше?

— Я дам больше всех, — кричал кто-то из толпы, — но мне нужно убедиться в истине. Из золота делать золото не мудрено; покажи нам истину: не сули журавлей в небе, а дай хотя синицу в руки.

— Господа! всякое предприятие требует предварительно расходов, а тем более такое, где ожидают не-

* Хромого беса (*фр.*); отсылка к одноименному роману французского романиста и сатирика А.-Р. Лесажа (1668-1747).

моверные выгоды: не 10, 25, 50 процентов обещаю я торжественно капиталистам, а сто на сто, рубль на рубль, и даже больше, только нужны предварительно деньги!

— Представьте обеспечение, налоги, а капиталы явятся, — отвечали владельцы движимых и недвижимых ценностей.

— Золото, залоги, обеспечение! — продолжал первый крикун. — Все это заключается во мне. Говорю ли я — золотом взвешивают мои слова; пишу ли я — каждый листок служит залогом действительной ценности; мои творения, прошедшие и будущие, вернейшее обеспечение в случае потери кредита или честного банкротства!

— Вздор, вздор! — шумели голоса. — Он шарлатан, он говорит о предметах, вовсе ему не знакомых, проповедует об изящном, когда в нем действительно изящны только самохвальство и непомерная самоуверенность; он указывает вам цели потому, что они ему не по силам, а достигните их, он первым предъявит права на владение и оберет кругом! Он мистифицирует и смехом, и шуткою, и слезою — это Мефистофель! Он журналист, послушаем его! Говорите, говорите!

— Господа и милостивые государины! не оскорбляясь криками моих противников, не обращая внимания на шипящую зависть, я смело исполню мое призвание — друга истины. На крики я отвечаю гордым молчанием, на оскорбления я подаю законную челобитную публике, которая так милостива, что, призывая меня на суд и даже приговаривая к молчанию, платит мне за проигранный перед судом ее иск, и платит снова, когда я, в противность законного ее решения, снова повышаю голос и громлю противников. Публика великодушна; она любит людей, выходящих из обыкновенной колен, прорытой прилежанием; она хлопает и все

знает, не заботясь о том, действительно ли знает что-либо; она приветствует мои брошюры, где я так вежливо подаю ей указку, советуя учиться чистому языку по правилам языка, мною составленного, и надеваю на нос очки, чтобы все смотрели моими глазами. Видит Бог, господа и милостивые государыни, что я тружусь для вашей пользы, и если по временам надеваю на здоровый смысл шапочку-невидимку, то для того, чтобы вы дороже ценили его внезапное появление, а между тем узнавали настоящую цену и пользу умения прикинуться дурачком. Хотите ли знать, господа и госпожи, тайну моего искусства? — читайте мои произведения. Хотите ли узнать настоящую науку представлять истину в превратном смысле? — учитесь у меня. Хотите ли познать науку шутить всегда и при всяком случае: науку шуткою опозорить талант, шуткою убить человека? — я знаю эту тайную науку — следуйте за мною и я научу вас!

— Он оскорбляет публику, он грязью кормит нас — под суд его, под суд! Составим, господа, тесный союз против крикуна, объявим набор талантов, а для вернейшего успеха составим компанию на паях, для застрахования успеха сочинений, назначив вклады умами и деньгами, а с деньгами и умами чего не сделаешь? Успех будет верный, когда заговорит толпа; другая толпа, участвующая в компании только именами, закричит еще громче; смелость, господа, а остальное судьба устроит!

— Дело, дело! Я вкладчик! Я тоже, а я, и я! — вопила толпа молодежи.

— Первым условием, господа, — продолжал учредитель компании, — стоять дружно против общего врага, врага нашего языка и грабителя нашего достояния!

— Хорошо! Согласны! — отвечали все.

— Второе условие судить обо всем, даже чего мы не

знаем: науках, искусствах, литературе современной и древней, языках русском и иностранных, хотя бы о китайском и японском, о знаниях естественных, математических, медицинских и пр., и пр., даже о домоводстве, сельском хозяйстве и промышленности вообще.

— Да, никто из нас не учился ни домоводству, ни сельскому хозяйству, ни промышленности вообще, никто и понятия не имеет о предметах?

— Вот вздор! Стоит взять энциклопедический лексикон и знания готовы; стоит переложить статьи иностранные на свой язык, и как раз прослывешь агрономом. Хотя никто из нас не видал ни одного посева, не участвовал в управлении экономией, не распоряжался домоводством, не оценивал земель и не имеет понятия о кадастре, но кто ж из нас не говорил о них в обществах, как будто о предметах, основательно нам знакомых. Ты, например, беллетрист, ты, ручаюсь, будешь первым агрономом и ученым сотрудником по отделению сельского хозяйства. А ты — ты будешь говорить о кадастре, о таксации, хотя ты не понимаешь, да и я с тобою, истинного значения этих слов. Для удобства, мы можем переводы выдавать за образцовые статьи, старые новости выделять на новый лад, черпать из всех источников и смелостью выражений увлекать убеждение.

— Какой *орегинал!* — прошептала длинная, худощавая фигура, одетая в вицмундир и причесанная а *l'enfant**.

— Не *орегинал*, а *оригинал*, — заметил кто-то, стоявший возле него.

— Помилуйте! ужели я не знаю, что *орегиналом* зовут человека странного и смешного, а в *оригинал* препровождают только какие-нибудь отношения, рапор-

* Под ребенка, по-детски (*фр.*).

ты и т. п. Это орегинал, говорю я вам, потому что он решается судить о разных предметах, ему неизвестных. Другое дело управлять каким-нибудь агрономическим предприятием без знания агрономии: это возможно, не правда ли? А я живой тому пример. Для того нужно только в известное время потребовать отчеты, задать программу вопросов, а из ответов делать заключения мое дело. К тому ж, мои произведения могут служить образцом ученого делового слога: не правда ли? Помилуйте! да я перещеголяю всякого ученого, хоть не учился ни грамматике, ни логике, и не знаю ни статистики, ни географии, и уж, конечно, мои суждения об агрономии и сельском хозяйстве хоть сейчас же в печать!

«Он действительно *орегинал*, а не *оригинал*, — подумал я, отходя прочь, — потому что созданное им слово странностью своею совершенно соответствует странности его суждений».

— Побегу домой и напишу поскорее шутку-водевиль под названием: «*Орегинал-Агроном*, или управляющий агрономическим предприятием!» — сказал молодой человек, разговаривавший с орегиналом.

Тут нечего было заглядывать в головы и сердца: мысли и чувства обнаруживались явно, подмываемые самолюбием и корыстолюбием, двумя великими деятелями мира. Я уединился в уголок, где слышался мне тихий и скромный разговор о современной литературе. Здоровые и вместе скромные суждения приковали мой слух и оживили мое внимание, утомленное неблагоприятными и дерзкими выходками оставленных мною литераторов.

(Будет ли продолжение? Может быть)

Семен Дьячков

**ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ В ЧУДНОЙ МАШИНЕ,
С ОПИСАНИЕМ ТАМОШНИХ СТРАН, ОБЫЧАЕВ
И РАЗНЫХ РЕДКОСТЕЙ**

Забавный вымысел

ПУТЕШЕСТВІЕ
НА ЛУНУ,
ВЪ ЧУДНОЙ МАШИНѢ.

**СЪ ОПИСАНІЕМЪ ТАМОШНИХЪ СТРАНЪ,
ОБЫЧАЕВЪ И РАЗНЫХЪ РѢДКОСТЕЙ.**

ЗАБАВНЫЙ ВЫМЫСЕЛЬ,

СОЧИНЯТЕЛЯ

Семена Дьякова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФ. ЛАЗАРЕВ. ИНСТИТУТА ВОСТОЧН. ЯЗЫКОВЪ.

1844.

Известно давно, что Астрономические трубы открыли на луне горы и моря, а потому заключено, что луна такая же земля, как и подлунный мир; это подало мне мысль исследовать, нет ли на луне жителей, городов и других земных предметов; но, так как для этого надобно было побывать на луне, то я стал придумывать средства к тому и лучшее нашел я то, чтоб изобрести и устроить воздухоплавательную машину, в которой бы мог достигнуть луны; долго думал я о такой машине и наконец выдумал очень замысловато вроде клетки; вместо проволоки, в ней поставил я эластические трубки, наполненные особенно газовой эссенцией, мною составленною; к бокам клетки приделал я огромные крылья из пробкового дерева для легкости; клетка была разделена простенком надвое; одна ее половина для моего сиденья, а в другой помещались некоторые инструменты, книги (которые вез я на луну для того, чтоб показать там за редкость, а также могло случиться, что они понадобятся для других употреблений, особенно по Архитектурной и Хозяйственной части), туалетные вещи; также, как самое необходимое в дороге — съестной припас; над клеткой — в случае непогоды — устроен был большой зонт; в одной стороне клетки устроил я еще небольшой орган, как для себя от скуки в странствии, так и для того, что хотел удивить обитателей луны музыкою земного изобретения; еще к моей воздушной машине привесил я несколько клеточек с разными птицами, несколько ящиков и коробок с различными редкостями; таким образом клетка моя, будучи совсем готовой, имела очень забавный вид.

Вскоре после того, простившись с моими знакомыми и с моим земным жилищем, отвернул я краны трубок моей клетки и с быстротою молнии поднялся я на воздух; когда я достиг облаков и посмотрел вниз, то земля казалась уже одною черною массою; наконец я

был превыше облаков; они поразили меня своею огромностью и белизною; пролетев еще выше, я тогда не видел их более и неся в моей машине по пустому пространству; взглянув нечаянно вверх, увидел я множество блистательных звезд в большом размере, а ниже их огромное, бледно-светлое тело; это была сама луна и я думал, что скоро доеду до нее, но жестоко обманулся в том, потому что после того, летел я около сорока дней; всего скучнее для меня были ночи, хотя у моей клетки были фонари, освещавшие путь; ничего не скажу о моем странствии, потому что оно было весьма однообразно; наконец, к моему удовольствию, узрел я вблизи находившуюся луну, казавшуюся такою же землею, как и подлунная; почва ее была серого цвета и покрыта высокими горами и лесами, но селений еще не было приметно; я пристал к одному месту, очень веселому, именно к роще на берегу одной реки; тут возблагодарил я небо за благополучное прибытие на луну; а как был вечер, то клетка мне послужила вместо шалаша для ночлега; с каким утешением думал я, что наконец свершилось мое желание, исполнилось намерение обозреть лунные предметы; при наступлении ночи, новые физические явления в воздухе удивили меня чрезвычайно: показались на мгновение разноцветные огни, составлявшие собою различные фигуры; на реке же воздымались волны в виде столбов и потом с шумом распадались; в лесу слышны были необычайные звуки; но от чего они происходили, того я не понимал; наконец усталость принудила меня уснуть. На другой день, проснувшись не рано, изумлен я был чудесным явлением: воздух наполнен был туманом розового цвета и вместе благоуханием; в этом тумане играли блестящие хрустальные иголки, производя прекрасный эффект; вскоре все это рассеялось, и я узрел самое ясное, лазурное небо, по-

ля, усеянные прекраснейшими цветами, кустарниками, деревьями, каких нет на земном шаре; веселые местоположения манили к себе; позавтракав, я вздумал осматривать их и пошел наудачу в одну сторону; шедши леском, выбрался я на поляну и поражен был видом великолепного здания, единственного в этом спокойном убежище; по моему мнению, это был какой-нибудь памятник, в чем я не обманулся, узнавши после от лунных жителей; он был воздвигнут одной добродетельной королеве, отличавшейся славными делами; наружность этого памятника очень красива; он весь был выполирован и украшался необыкновенными фигурами резьбою, Арабскими и другими орнаментами. Насмотревшись досыта на это дивное произведение искусства, поехал я далее и, вышедши из леса, опять увидел новое диво: хрустальный город, от которого по причине солнечных лучей происходил чрезвычайный блеск; подошедши к нему ближе, действительно уверился, что все дома были хрустальные, вероятно потому, что на луне были целые горы хрусталу, а камня очень мало и он считался за драгоценность; так как был день, то я мог видеть сквозь хрустальные стены в домах; но везде было однообразие и скука; женщины занимались какой-то работою или изготовлением яств; мужчины же ходили взад и вперед по улицам, составляли толпы и о чем-то болтали; не видать было ни экипажей, ни лавок; вскоре узнал я, что на луне совсем не было торговли, потому что всякий имел все свое, уделенное природой; не нужно было отправляться в другие страны за тамошними произведениями, потому что природа рассеяла по всей луне одинаковое обилие в них; не было на луне фабрик и заводов, потому что всякий житель выделывал сам для своего обиходу все необходимое; некоторые искусства там процветали, например, Архитектура была на высокой степени;

живопись и музыка также; денег не было в обращении; я удивлял тамошних жителей, когда показывал им взятые со мною монеты и другие мелкие вещицы; осмотря лунный город, стал я наблюдать за обычаями лунитян и вот из них некоторые: по утрам обходит каждой хозяин вокруг своего дома, потом дает корму натисам, единственным домашним зверькам, которых употребляют там в пищу; они о шести ногах; накормивши животных, идут на общественное место и там говорят о том, как лучше ловить рыбу (потому что занимаются рыболовством), какие лучше употреблять к тому снасти; сделать жирными натисов и о других неважных предметах; после того прощаются странным образом, также как и здороваются, а именно, составят круг и старшина обойдет его и, ударив каждого своею палкою, закричит: «Эгра» и потом распустит всех по домам; там лунитяне принимаются за обед, которой состоит из холодных кушаньев и плодов, называемых ранбасами, растущих в изобилии на небольших деревцах странной формы; в питье употребляют сок из тех же плодов; горячих напитков не имеют, а потому я сожалел об этом, как любил иногда выпить от скуки, но благодаря себя, хорошо, что я запасся ими на дорогу и на луне оставалось их еще надолго в моем бочонке — после обеда лунитяне идут в лес рвать ранбасы или на реку ловить рыбу; принеся добычу домой, отправляются толпами за город погулять; там поют, а некоторые пляшут, за что их одевают ранбасами; пляска их очень смешна, с надеванием ужасных масок, доставляющих, однако, им большое удовольствие; в этих плясках заметно было какое-то пантомимное представление, потому что они происходили довольно долгое время, с разными переменами; между прочим, их пляски сопровождаются и музыкальными звуками, довольно приятными, но слишком басистыми; инструменты их

также различного тона и формы; некоторые удивительного устройства; особенно же удивителен ящик с натянутыми струнами, производящими дребезжащий звук; большая витая деревянная дудка, производящая свист и визг; барабан, наполненный хрустальными шариками, которыми производится грохотня и звон; из этого выходил забавной концерт, после которого кончилась пляска и все разошлись по домам; наконец ужин и покой. Здесь упомяну одну странность лунитян в отношении наименований их; там нет собственных имен, как например Наталья, Семен и др., но у них даются названия по качествам каждого, как то: господин Умник, г. Глупяк (они этим не обижаются, потому что любят истину, а стараются в дурном исправляться и тогда дают им название, соответственное тому), г. Добряк, г. Славнолов, г. Обжора, г. Тишина, г. Самохвал, г. Люборанбас; женщины также называются по своим качествам: госпожа Красавина, г-жа Мудрина, г-жа Бойкая, г-жа Своенравина, г-жа Кроткая, г-жа Добрина, г-жа Ласкавина и др. Другая странность состоит в домашнем празднестве: хозяин дает праздник тогда, как наловит много рыбы и соберет много ранбасов; он выставляет близ своего дому длинный шест с висящею на нем рыбою; потом берет дудку и трубит в нее, созывая так гостей; когда они приходят, то их ставят в ряд перед домом и дают каждому по рыбке, после того толкают каждого поочередно в двери, там обыкновенно угощают их обедом и десертом.

Теперь хочу вкратце упомянуть о некоторых лунных предметах и редкостях в особенном роде; и первое, что там нет ни золота, ни серебра, а есть ископаемое вещество синего цвета, весьма блестящее, употребляемое в домах на украшения; женщины наряжаются в материи, тканые тонко из некоторого тростника; головной их убор состоит в венке из цветов и

перьев; все ходят пешком, кроме Короля и Королевы, которых носят в беседке; так как дожди на луне очень редки и бывает засуха, то в случае там, где нет воды и пойдет дождь, поставлены тумбы с резервуарами, за что путешественники очень благодарны, а сами они для того же имеют шапки, вверху их устроены небольшие кадочки из тонкого дерева; когда пойдет дождь, то наполняет их водою и таким образом прохожий может утолить жажду свою легким способом.

В одном здании лунного города показывают щит одного знаменитого героя с странными изображениями, также меч очень широкий и копье в пять сажений. — В том же городе жил некогда один Сочинитель, которого произведения всеми были уважаемы, а потому по смерти его домик, в котором он жил, оставался необитаемым и сохранен, как воспоминание славного человека; в этом домике, с особенным удовольствием я рассматривал Кабинет и разные в нем вещи и невольно вырвался у меня экспромт:

Как мысленно я наслаждаюсь
Смотря на этот кабинет —
Чрез эти вещи уверяюсь,
Что жил в нем некогда поэт.

По сказанию жителей, Сочинитель занимался не только прозой и стихами, но и другими учеными и художественными предметами, как то: Механикой, Физикой, Технологией и даже Алхимией, а под конец жизни своей все бросил, и сделался Философом и переселился из своего домика в лес, в уединенное место, где природа образовала один кристалл огромного размера и удивительной формы: на нем вышли различные обломки в виде четырехугольных палочек, а внизу про-

изошло отверстие в пещеру, в которой Философ и поселился, не смотря на скуку.

Остается еще сказать об одной достопримечательности на луне, которую я рассматривал с большим удовольствием. Это была машина, посредством которой готовилось всякое кушанье на кухнях богачей; она разделялась на несколько частей и в каждую клалось особенное снадобье; по истечении нескольких минут, попевали в этой машине супы, соусы, жаркие, пирожные; я прежде говорил, что у бедных жителей употреблялось одно холодное, а потому им не нужна была машина, стоящая дорого; пообедавши славно у одного лунного Князя и отдохнувши, сел в мою машину и полетел обратно на земной шар с запасом редкостей; после чего, приехавши домой, я заснул крепко и проснулся в моей комнате; тогда узнал я, что все мною виденное было сновидение, но столь занимательное, что я передал его в этой книжке любопытному рассказу; не знаю, успел ли я в том.

Андрей Дмитриев
УЖАСНАЯ КРАЖА

Известно, что от земли до луны 360,000 верст и что до сей поры не было еще такого телескопа, который увеличивал бы поперечник луны более, чем в 300 раз против того, каким он нам кажется простым глазом. Мы сказали *не было до сих пор*, — следует ли из этого, что нет и теперь? Отнюдь не следует. В наш век прогресса, век самоотверженной борьбы высокоумного г. Ливанова с злобою раскола, век ружей Шаспо и пушек-митральез, — век, в который человечество решило свою задачу истреблять друг друга издали и с быстротою телеграфа, — выдумали-таки такой телескоп, который увеличивает поперечник луны в 50,000 раз и дает возможность видеть на ней не одни уже горы и долины, а и людей*, людей, как быть следует: с руками, ногами и прочими принадлежностями. Пока этот телескоп еще в секрете, но мы вместе с г. Жюлем Верном имели случай наблюдать в него. Что видел Верн — это его дело, но мы не намерены скрыть ничего из виденного нами на луне. Мы видели на ней, что люди и там такие же, как на земле: сильный теснит слабого, богач эксплуатирует бедняка, нации враждуют и дерутся, правители опекают народ и заботятся о его благополучии, пресса иногда гуляет под честным словом не удрать на свободе в палисадниках острога**, книгопродавцы надувают публику и эксплуатируют несчастных писак, словом — все как и на земле, так что не стоило бы и телескоп такой устраивать. Много раз смотрел я в него и ничего особенного не видал. Раз как-то, насмотревшись земных безобразий, я возжелал взглянуть

* Предположения г. Н. Страхова, высказанные в покойном журнале «Время», в статье «Жители планет», — оправдались великолепно. То-то, чай, ликует маститый философ (*Здесь и далее прим. авт.*).

** Мы наблюдали из Франции, а потому и все вышесказанное исключительно относится к ней.

на лунные и устремил свой взор на некий маленький остров, с очень немногочисленным населением. На этом острове я увидел следующее: в прекрасной долине, под роскошно тенью громадного дерева, на возвышении из голубого мрамора покоилась прелестная дева. Она была в греческой тунике, и на браслете ее правой, чудной, как у Сандрильоны, ножки висела связка ключей. Хорошенький чемоданчик чуть виднелся из-под складок ее туники. Сон ее спокоен и нежная улыбка не сходила с ее чудных губ. На мраморе большими греческими буквами было написано: «Фемида, странствующая гречанка, когда-то служившая в министерствах юстиции и внутренних дел на острове Хиосе». Она спала — спала и во сне улыбалась. Кругом была мертвенная тишь, что можно было заметить из того, что ни один листок дерева не шевелился, и что Фемида спокойно спала. Вдруг, — о, как мы были поражены и опечалены тем, что не могли ничем расстроить козни злодеев, — мы увидали двух крадущихся к спящей красавице бандитов, судя по их одежде и злобным лицам. Один был в мантии жреца, очень неряшливой и без признаков белья, с кинжалом в руке и грязною соломою на голове, лет 60-ти, другой же приятной наружности, с роскошными прядями волнистых, откинутых назад волос, во фраке и в гофреной рубашке, с отмычками в руках и зубах. Глаза его горели злобой, и шляпа была надета набекрень. Они крались к ней. Зачем? А вот они близко, они ищут, где чемодан; они нашли. Господин в гофреной рубашке попробовал отмычки — не подходят. Отчаяние сказалось на лицах их, и они остановились в недоумении. Недоумение длилось недолго. Старец в жреческой одежде заметил и указал господину во фраке связку ключей на чудной ножке спящей. Лица обоих просветлели. С ловкостью бывалого в перделках станového добрых старых времен, господин во

фраке моментально снял ключи с ноги и стал пробовать, который из них подходит к найденному им чемодану. Третий ключ подошел, и, открыв ящик, они увидели множество старых бумаг, связанных в пачках, на которых было написано: *Дело*. Наши бандиты перешарили все пачки и остановились на одной пачке, на которой было написано: *Дело об Еретиках*; лица их выражали видимое удовольствие: они нашли то, что искали. Быстро запихали они в чемодан все, кроме одной, найденной и нужной им пачки, тихо заперли его и еще тише привесили ключи к браслету ноги.

Выспалась ли прекрасная гречанка, или была разбужена прикосновением злых воров, но только, зевнув аппетитно два или три раза и потянувшись, она проснулась. Гнев исказил ее прекрасное лицо.

Читатель, вероятно, слышал, что глухонемые понимают по движению губ, что говорят им. Я понимаю тоже, по движению губ, всякую речь и потому нет ничего удивительного, что я, наблюдая в телескоп, мог понять, что говорила разгневанная Фемида. Она говорила: «Назад, грабители и воры! Назад, изменник-жрец!»

Бандиты, не слушая — утекали.

— Не слушаетесь вы, так будьте прокляты! Ты, жрец, с луны на землю марш, и будь ты там, на ней, позором для людей. Юродивым ты будь и в юродстве своем морочь людей.

Богиня перевела дух и продолжала, обращаясь к господину во фраке:

— И ты, заморский франт, с луны на землю марш, и на земле пусть долей твоей будет писать премногомного и преглупо-глупо. По временам, когда я захочу, из образа людского тебя в ослиный превращу.

За сим явилась молния и, нужно полагать, за нею гром, и два гнусные вора стремглав полетели на землю.

Приложение

Христофор Шухмин

**ПУТЕШЕСТВИЕ ОХОТНОРЯДСКОГО
КУПЦА НА КОМЕТЕ**

Фантастический рассказ

Оживление охотнорядской торговли постепенно начинало замирать. Уже перестали раздаваться надоедливые возгласы «российских» торговцев и палатка за палаткой заставлялись ими ставнями для ночного покоя. Кое-где хотя и бродили запоздалые покупатели, но уставшие торговцы почти не обращали на них внимания, а если и продавали, то с неохотою.

— Ну, ребята, запирайтесь, — сказал и Иван Макарыч Шарамыжников, — богатый торговец рыбой, своим полусонным молодцам.

Его обыкновение было запираяться последним, но нынче он почему-то изменил этому правилу.

Обрадованные приказчики живо пустились исполнять приказание своего хозяина, который хитро посмеивался в свою длинную бороду и думал: «Эка, псы какие! Ловко поворачиваются с окончанием; а к торговле ведь вот не так ретивы!...»

Через несколько минут все было убрано, товар отнесен в подвал, лари закрыты ставнями и заперты большими замками.

Хозяин и приказчики помолились Богу и отправились домой.

Не успел Иван Макарыч отойти и нескольких шагов от Охотного ряда, как к нему подошел какой-то неизвестный торговец.

— Пренизкое почтеньице-с Ивану Макарычу, — проговорил неизвестный и поклонился.

— Честь имею, только... только, стало быть, что-то я вас запамятовал... Право.

— Да я-с, Иван Макарыч, не тутошний, я донской. Вас-то я знаю только по слухам. Приехал я, значит, в Москву рыбки продать.

— Дело благое... Что ж, приходите завтра, — может, что и столкнется.

— Оно бы лучше нынче, а то завтра... намечено кое-

что... Вот коли сегодня с вами не сделаюсь, так придется... — И незнакомец замялся.

— Не утруждайтесь разъяснением: я понимаю. С конкуренцией с нашей хотите сделать... так, так... понимаю.. А что за рыба-то?

— Осетрина, да белужка.

— А количество?

— Да тышчонка по 4 пудиков есть.

— Так, так... А цена?

Незнакомец, как это делают настоящие коммерсанты, обернулся во все стороны, чтобы кто его не услышал посторонний, и шепотом сказал такую дешевую цену, что даже Иван Макарыч поразился.

— Может, какая костяжка, али с тухлинкой?

— Без солинки и свежести необычайной.

— То-то, а то у нас такой-то и у самих порядочно есть... Только не выпускаем, чтобы цену не портить... А в какой срок?

— Можно и в одиннадцать.

Много лет торгует Иван Макарыч в Москве, много ему приходилось совершать сделок и слышать разных выгодных предложений, но так дешево и заманчиво ему никто не предлагал и он пытливым взглядом окинул неизвестного, боясь, — нет ли тут лжи.

Но незнакомец внушал полное доверие.

— Не хотелось бы сегодня мне, глядя на ночь, идти в трактир, — проговорил Иван Макарыч после раздумья, — да уж, видно, делать нечего, пойдёмте, — потолкуем.

И они пошли.

Однако Иван Макарыч не повел незнакомца в тот трактир, куда он ходил постоянно, боясь встретиться с конкурентами, а повел продавца в отдаленный ресторан от Охотного ряда.

Пока подавался чай, Иван Макарыч разглядывал

своего нового приятеля.

«На свету-то видней», — думал он.

Незнакомец был брюнет, с загорелым, морщинистым южным лицом, с черными как уголья глазами и с белыми лошадиными зубами, которые он часто оскаливал и которые придавали его лицу отталкивающий вид.

«Чудной человек!» — опять подумал Иван Макарыч и громко спросил:

— А что же это я вас не спрошу, — как вас зовут-то?

— Карапет Егорыч Дурычанц.

— Стало быть, не русский?

— Кавказец.

— Это и видно — И начал Шарамыжников выпытывать и экзаменовать Карапета по рыбной торговле.

Карапет несомненно понимал по этому делу все до тонкости, но Иван Макарыч решил поступить с незнакомцем по-купчески, а потому и задумал подпоить его, дабы развязать ему язык, и для этой цели спросил водки.

Незаметно графин за графином истреблялся новыми приятелями во время интересных разговоров. Карапет чрезвычайно понравился Ивану Макарычу и после четвертого графина, стал его называть своим другом и перешел «на ты».

— Деляга ты! — кричит Шарамыжников. — Давай поцелуемся!...

Поцеловались.

— А не врешь это ты? А? Не врешь? Скажи по совести? А? Ну, побожись!..

— Ну, чего болтаешь, Макарыч, — говорит ему на это Карапет. — Какая мне польза врать! Вот тебе от меня тысяча рублей в залог, что бы ты не сомневался... — И Карапет достал толстый бумажник.

— Не надо, — кричит Иван Макарыч, — не надо! Верю! Целую и верю!.. Человек! Половой с головой, коньяку!..

Коньяк еще больше вскружил Шарамыжникову голову.

— Угощаю тебя по-купечески! — продолжал кричать он. — За город свезу тебя, ростовского кавказца! Во, как разугощу, — прямо на славу! Половой, лихача! Ну, живо! В самую Ельдораду! Шагом марш! Вот это по-нашему! Ура-а!! за здоровье армянского сословия!!

А Карапет только улыбается, да подливает вина пьяному купцу.

Не прошло и нескольких минут, как Иван Макарыч с Карапетом неслись на красивом рысаке в места одурения, ночного веселья, в тот омут, откуда дорога к разбитой жизни, к слезам и болезни.

И несется рысак и мощно гигантскими шагами отбивает по мостовой, под удалый крик опьянелого купца.

Но тут произошло совершенно невероятное и поразительное. Белое, точно солнечное сияние, озарило Ивана Макарыча. Какой-то волшебнo-феерический шар закружился у его глаз, распустился огненным хвостом и не успел купец опомниться, как очутился на этом хвосте и, влекомый шаром, понесся кверху по необъятному воздушному пространству.

Это его несла огненная Комета.

— Что за чудеса, — испуганно забормотал купец. — А где же Карапетка? А? А где же лихач?.. Вот это ловко! Ай да дешевая рыба!

Быстрее молнии несется комета и миллиардами искр усыпает ночную дорогу.

А кругом громадные блестящие планеты, чудесные созвездия, одинокие звездочки, и все это, кажется, улыбается, приветствует и живет таинственной, великою

жизнью.

Оглянулся купец, и сам улыбнулся, и робость его прошла. Снял он шапку и закричал:

— Прощай, златоглавая Москва! Прощай, жена Акулина и все сродственники, — с моими охотнорядскими молодцами!! Вот так лошадь, Б одну секунду на тот свет попал!! Ловко! чудны дела твои, Господи! Сидел в ресторане и вдруг на звездном хвосте в заграничную прогулку уехал!..

Оглянулся Макарыч вниз, а за ним на разных звездочках и кометах чертенята несутся и орут благим матом веселые песни.

Затянул и купец за ними.

И все выше и выше несется комета. И все громче и громче орут чертенята. И все привлекательней, разнообразней становится в бесконечном небесном пространстве.

И все больше и больше удивляется купец и вместе с тем радуется необъяснимой поездке, которая открыла ему такие невиданные прелести, такие великие тайны недосягаемого мира. Но вдруг комета зашипела, рассыпалась на громадное пространство звездами, завертелась огненным вьюком и скрылась за черное покрывало таинственной ночи.

А наш купец перевернулся несколько раз в воздухе и каким-то ураганом был отброшен на небольшую звезду, находившуюся рядом с месяцем.

— Что за история, — закричал он, осматривая новое место. — С таким путешествием, пожалуй, и домой не вернешься! А там без меня чего доброго всю торговлю испортят... А все-таки и тут хорошо! Просто чудеса!

И действительно было чему удивляться.

На звезде стоял громадный накрытый стол, уставленный разными винами, фруктами и кушаньями.

За столом сидели чертенята и их подружки, хорошенькие ведьмы с разрисованными личиками.

Тут же стояло пианино и на нем бойко и звучно играл музыкант, конечно, тоже черт.

Но всего удивительнее было, что за этим же столом сидел и Карапет.

— Карапет! Друг мой разлюбезный, и ты тут?

— И я.

— Да как же ты-то попал?

— Да так же, как и ты.

— Непостижимо. Стало быть, мы в новом царстве? Вот так гуляние! Ну, так валяй бесенята, развлекай московских купцов.

И с этим Макарыч бросил пачку денег чертям.

Пение усилилось и перешло в плясовое, разухабистое...

Разошелся купец и пустился вприсядку. Кричит, поет и свистит Иван Макарыч, убажиаемый бесенятами, забывши про свое путешествие на Комете «Галлея» и о своем необычайном приключении. Весело и радостно ему и не замечает он, что издали на него смотрят светлые звездочки и грустно кивают ему своими маленькими головками, как бы жалея его, погибающего в диком разгуле с хитроумными чертями.

Как попал Иван Макарыч обратно домой, — и не знает, и не помнит.

Только в полдень разбудившая его жена объяснила ему, что он вернулся домой на рассвете в пьяном виде и все кричал о каких-то звездах и чертях.

И никак не мог сообразить купец, что с ним произошло и каким образом он летал под облака на хвосте кометы.

Через час он отправился в Охотный ряд к своим палаткам.

В голове шумело, в висках стучало и он мрачно и злобно отплевывался при воспоминании о вчерашних чертях. А вечером, пред заборкой ларей, к нему подошел посланный из одного загородного ресторана и передал запечатанный конверт.

Иван Макарыч сердито оборвал края конверта и достал из него довольно длинный ресторанный счет, помеченный вчерашним числом, но еще не оплаченный.

«Вон оно, куда комета-то забросила! — подумал купец. — История, да и только! Эх, ма!..»

И, почесавши затылок, он расплатился по счету.

На другой день Иван Макарыч совершенно оправился и пришел в себя от своего гуляния и приключения.

Единственно его поражало знакомство с Карапетом и его исчезновение.

— Неужто черт? — говорил сам себе. — Вот наваждение-то! — И тут же купец отплевывался и крестился от такого ужасного знакомства.

Х. А. Мин-Шух

ПРИМЕЧАНИЯ

Все включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям в новой орфографии. Пунктуация приближена к современным нормам.

Аноним. Прогулка в Луну

Впервые: Сын отечества. 1839. Том VIII. Продолжения не последовало.

С. Дьячков. Путешествие на Луну в чудной машине

Публикуется по: Путешествие на Луну в чудной машине, с описанием тамошних стран, обычаев и разных редкостей: Забавный вымысел, сочинителя Семена Дьячкова. М.: Тип. Лазаревского института восточн. Языков, 1844 (ценз. разрешение 6 окт. 1843).

С. П. Дьячков (1800/1809 — после 1844) — поэт, прозаик. Сын подпоручика, получил домашнее образование. Учился на словесных отделениях Московского и Казанского университетов, где окончил курс в 1831 г. Служил в различных ведомствах, в основном в Петербурге, часто меняя места работы в связи с пристрастием к вину. Опубликовал компилятивную «Историю Римской республики» (1827), поэтические кн. «Сельская жизнь» (1828) и «Букет цветов, или Разные стихотворения, элегические романсы и песни для прекрасных девиц» (1837), поэму «Деньги» (1839), три сказки в стихах для простолюдинов (1836-1843) и др.

А. Дмитриев

Ужасная кража

Публикуется по: [Дмитриев А.] Новеллы, рассказы и шутки барона И. Галкина. М.: Тип. и лит. Г. А. Фальк, 1873.

А. М. Дмитриев (1842-1886) — прозаик, журналист, драматург, сын командира Кавказского конногорского полка. Учился в кадетских корпусах, в Московском университете, который оставил в 1865 г. по причине материальной нужды. С 1864 г. выступал со статьями, фельетонами и рецензиями в многочисленных газетах, юмористических и иллюстрированных журналах. Автор ряда сборников повестей и рассказов. В 1885 г. психически заболел, умер в московской Преображенской больнице.

Публикуемый отрывок — пролог из сатирической комедии «Раскольники и острожники», вошедшей в указанное выше издание.

Х. Шухмин. Путешествие охотнорядского купца на комете

Публикуется по: Шухмин Хр. Путешествие охотнорядского купца на комете. М.: Изд. А. С. Балашова, 1913.

Х. А. Шухмин (ок. 1870 — после 1917) — фотограф, журналист, организатор театров миниатюр. Автор десятков лубочных книжек, изданных в 1910-х гг.

Оглавление

Аноним. Прогулка в Луну	6
С. Дьячков. Путешествие на Луну в чудной машине	41
А. Дмитриев. Ужасная кража	50
<i>Приложение</i>	
Х. Шухмин. Путешествие охотнорядского купца на комете	54
П р и м е ч а н и я	63

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.